

С. Б. ОХОТНИКОВ

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Исторические события, развивавшиеся вблизи острова Змеиного, расположенного в Черном море, к востоку от устья Дуная и на нем самом, отражены в письменных источниках довольно скупо и отрывочно. Между тем, в античную эпоху это был один из наиболее известных культурных центров Эллады. Здесь находилось святилище героя Троянской войны Ахилла, впоследствии обожествленного. В средние века несмотря на утрату своих сакральных функций остров использовался то как важный стратегический и навигационный пункт, то как место стоянки кораблей многочисленных народов и стран, появлявшихся и исчезающих на территории Северо-Западного Причерноморья с VI по XVII века н. э.

Хотя как памятник истории юга Украины остров был «открыт» еще в 20-е гг. XIX в. (1), его изучение велось крайне sporadично. В силу различных причин, в первую очередь его принадлежности к военным ведомствам, на нем до последнего времени не производились более или менее регулярные археологические исследования. Лишь начиная с 1988 г. и по настоящее время, экспедиции Одесского археологического музея НАН Украины удалось развернуть комплексные работы как на суше, так и в подводной части острова (2). Это позволило сопоставить и, в известной степени, синхронизировать диспропорцию между археологическим материалом и литературной традицией об острове, уточнить и наметить основные этапы античной и средневековой истории этого региона, в которой, как увидим впоследствии, Змеиный играл немаловажную роль.

Древнейшим письменным свидетельством об острове служит, вероятно, сообщение Арктина, поэта середины VII в. до н. э.: «Фетида, придя с музами и сестрами, оплакивает сына; и после этого, похитив сына из огня, переносит его на Белый остров». Очевидно, что в ходе греческой колонизации се-

верных берегов Понта греки-ионийцы, обнаружив пустынный остров, лежащий среди бескрайних, как им казалось, просторов моря, отождествили его с местопребыванием героя Ахилла после гибели под стенами Трои. «Левке» — по гречески «белый», «светлый», «светлосияющий» — так был назван ими этот остров. Иногда он назывался также «островом Ахилла» или «островом блаженных». К концу VII в. до н. э. Левке уже прочно вошел в представления греков об этом регионе Черного моря. Алкей, поэт конца VII — начала VI вв. до н. э. пишет: «О Ахиллес, владыка земли скифской!» (Фр. 48 В). Об этом же свидетельствуют сообщения Павсания (III, 19, 11) и Конона (XVIII, 18). Они рассказывают об одном из поэтов последней трети VII — первой половины VI вв. до н. э. Стесихоре из Гимеры и о первых посетителях острова, раненых во время войны между городами Кротонем и Локраами, что в Великой Греции. Эта война происходила, вероятно, в начале VI в. до н. э. (3). Несмотря на известную мифологичность сюжета можно с уверенностью утверждать, что в это время путь к острову, как священному месту, уже был полностью освоен древними мореплавателями, приходившими сюда, как показано, с другого конца греческой ойкумены. Это подтверждается и найденной на Змеином керамикой конца VII — начала VI вв. до н. э. (4) и якорями того же времени, обнаруженными в подводной части острова (5).

Археологические находки свидетельствуют также, что уже со второй четверти VI в. до н. э. Ахиллу посвящаются первые приношения, а в III четверти этого же столетия сооружается здание храма в ионическом ордере. Судя по находкам архитектурных терракот, храм на острове имел много общего с храмом Аполлона Дельфиния в Ольвии и храмом Афины в Милете (6). Надо думать, что и Милет, как метрополия, и Ольвия были заинтересованы в укреплении культа Ахилла именно в этом районе. Ольвия стала патроном святилища героя как на самом острове, так и в других местах (7).

Рубеж VI—V вв. до н. э. был временем расцвета храма. К этому времени относится большое количество керамики, в первую очередь, расписной черно- и краснофигурной, принадлежащей известным мастерам-вазописцам: Эпиктету и Никосфену, Амазису, Мастосу, возможно Ольтосу и другим знаменитым школам художников.

В данный период формируется, очевидно, и определенная обрядность, свойственная святилищу героя. По сообщениям античных источников здесь существовал оракул (Арриан-

§ 32). В качестве неперемного атрибута сакральных действий выступает жертвоприношение животных, в частности, коз. В дар Ахиллу преподносятся не только керамика, но и монеты, украшения, ставятся надписи. Святилищу приписывают определенные лечебные функции, в том числе и методом инкубации, т. е. во сне, что характерно и для других подобных мест античного мира (8).

Но контингент людей, обслуживающих храм, был очевидно временным, точнее сезонным, поскольку осенью и зимой навигация прекращалась.

Широкое распространение поклонения Ахиллу, слияние его героических функций с божественными привело в конечном счете к усилению известности святилища. Уже в V в. до н. э. популярность храма становится столь широка, что Левке фигурирует в произведениях выдающихся поэтов и драматургов — Пиндара (Немезида, IV, 48—50): «Эант владеет отеческим Саламином, а Ахилл — светлым островом в Эвксинском море»; Еврипида (Андромаха, 1260—1262): «Ты увидишь любезнейшего тебе и мне сына Ахилла, обитающего в островном доме на Белом берегу внутри Эвксинского моря».

В IV—III вв. до н. э. известность храма становится повсеместной. Сюда поступают приношения из всех более или менее значительных полисов Понта и Средиземноморья. Среди городов, монеты которых встречены на острове, преобладают, как и следовало ожидать, причерноморские центры, а Ольвия представлена более чем 20% нумизматического материала этого времени (9). Ольвией в честь Ахилла были учреждены календарные празднества, проводившиеся на Ахилловом дrome (Тендровской косе) и других местах. Отзвуки существования каких-то военных состязаний на самом острове Левке можно усмотреть в сообщении Филострата (XIX, 16): «Приставшие к острову утверждают, что слышали и конский топот, и звук оружия, и крик, какой поднимают на войне». Не исключено, что эти празднества (Ахиллеи) могли носить такой же характер, как и известные общегреческие игры, но, конечно, в меньшем масштабе (10).

Расцвет святилища находился в тесной связи с его патроном — Ольвией. Накапливавшиеся в святилище монеты, драгоценности привлекали, тем не менее, не только поклонявшихся Ахиллу. Судя по известному декрету 330—320 гг. до н. э. храм подвергся нападению и был разграблен. Однако некий неизвестный гражданин Ольвии сумел выгнать пиратов с острова и храм продолжал функционировать. Такая ситуация на

фоне в целом весьма благополучного существования полиса могла сложиться в период осады Ольвии войсками Зопириона (11).

В III в. до н. э. Ольвия продолжала заботу о святилище, о чем свидетельствует еще один документ (IOSPE, I (2), № 26): «С добрым счастьем! Совет и народ постановили по предложению архонтов и Семи: так как получают известия, что... оказывает услуги тем из народа ольвиополитов, которые приезжают на священный остров Левке, то да постановит Совет и народ увенчать его». К сожалению, как и в первой надписи, имя человека неизвестно, но то что Ольвия как никогда была сильна и влиятельна в этой части Черного моря подтверждают нумизматические данные. На период между 250 и 150 гг. до н. э. приходится максимум — 30% монет этого города, найденных на Левке (12).

Но обстановка около середины III в. до н. э. не отличалась стабильностью. Ольвии приходилось использовать все свое могущество, в том числе и на море, чтобы защитить свои интересы. Так, в декрете в честь Антестерия идет, в частности, речь о победе, одержанной Ольвией с помощью флота и о защите алтарей, пришедших в негодность из-за времени. Алтари, охраняемые с помощью флота, находились только на острове Ахилла, так что привязка событий, описываемых в декрете, к Левке весьма вероятна.

Нестабильная обстановка складывалась и в степях Причерноморья, где активизировались варварские племена. Усиление их натиска привело к тому, что Ольвия к середине II в. до н. э. попадает под власть скифов. Здесь начинается чеканка монет с титулом и портретом Скилура. Также не позднее II в. до н. э. в Добрудже образуется Скифское государство, т. н. «Малая Скифия», цари которой стали выпускать в западнопонтийских городах свою монету. Монеты царей Канита и Гелия попадают и на остров Левке. Варварское давление не только на суше, но и на море подтверждает надпись известного деятеля этого времени Посидея, сына Посидея, прославленного многими другими эпиграфическими документами, найденными в Неаполе Скифском и Ольвии. Речь в надписи идет о том, что Посидей посвятил ее Ахиллу в честь победы над племенами сатархов (сатархеев), занимавшихся пиратством (IOSPE, I (2), № 672). Вероятно, что речь в надписи идет о Левке, который в очередной раз был спасен выдающимся деятелем, на этот раз весьма знаменитым. Посидей был, очевидно, одним из военачальников или судовладель-

дев при Скилуре или даже возглавлял его флот (13). Бурные события II в. до н. э., происходившие на севере Понта и связанные с островом Ахилла, нашли косвенное отражение в сочинении Филострата (XIX, 19). Излагая различные мифические истории, древний автор передает рассказ об Ахилле, истребившем у себя на острове отряд амазонок, прибывших сюда на кораблях. Это, по его мнению, происходило в то время, когда Леонид Родосский одержал первую победу на стадионе. Если исход из данного сопоставления, то события, изложенные Филостратом, происходили около середины II в. до н. э., поскольку Леонид, знаменитый атлет из Родоса начал свои победы на 154 Олимпиаде (14).

С конца II в. до н. э. в истории северных и западных берегов Черного моря резко возросло значение державы Митридата VI Евпатора. Херсонес и Ольвия стали его союзниками, а с начала I в. до н. э. он стал господствовать на западном Понте (15). Ольвийских монетных находок на Левке этого времени очень мало, как мало и монет собственно Понтийского государства (16). Однако, здесь же на острове обнаружена гемма с изображением звезды и полумесяца — эмблемы самого Митридата. Сопоставление таких, казалось бы противоречащих друг другу, фактов раскрывается, тем не менее, благодаря поэме Овидия «Ибис». В одном из стихов (329—330) поэт высказывает пожелание врагу остаться нагим на Ахилловой земле, как некогда Ленея с амастрийских берегов. Наиболее убедительно, по нашему мнению, прокомментирован этот сюжет А. В. Подосиновым: за какие-то провинности правитель Амастрии, входившей в состав Понтийского царства, был сослан своим тестем Митридатом (отцом многих дочерей) в ссылку на остров Ахилла, где и погиб от голода и холода (17). Вероятно, в это время святилище приходит в упадок и остров был использован для ссылки неудобных людей. Эту историю, связанную с Левке, Овидий узнал, скорее всего в Томисе, где он, как известно, также пребывал в ссылке с 9 по 18 гг. н. э.

Начало новой эры было сложным временем для всех античных городов северо-западного Понта. Ольвия и Истрия разрушены войсками Бурбисты, как и «остальные города по левому берегу Понта вплоть до Апполонии» (Дион Хрисостом, XXXVI, 4). Эти перипетии не могли не сказаться на судьбе острова Левке, постепенно терявшего свое значение как центра поклонения Ахиллу, хотя сам культ героя продолжал оставаться одним из главных в Ольвии. Дион Хрисостом, по-

бывавший в городе, скорее всего около 95 г. н. э. пишет, что Ольвия, хоть и отстроилась, но не имеет того вида и величия, что были ранее (до гетского разгрома). Жители, тем не менее, Ахилла «чрезвычайно чтут... построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе» (XXXVI, II, 48). Таким образом, можно констатировать, что по крайней мере до конца I в. н. э. центр поклонения Ахиллу находился на Белом острове под протекторатом Ольвии.

Относительная стабилизация обстановки в I в. н. э. в значительной степени объясняется усилением в Северо-Западном Причерноморье влияния Римской империи. Закрепление здесь римлян происходило в несколько этапов. В I в. до н. э. военные экспедиции Гаия Скрибония Куриона, Марка Лукулла, походы Марка Лициния Красса, а в начале эры Корнелия Лентула способствовали распространению власти Рима вплоть до западного побережья Черного моря. В орбиту внимания римлян попадает и остров Левке, на котором обнаружены керамика этого времени, монеты республики и империи, начиная с Августа (18).

Однако подлинное закрепление в этих местах римских войск произошло, очевидно, в 60-е гг. I в. н. э. после похода легата провинции Мезия Плавтия Сильвана. В нескольких городах были поставлены военные гарнизоны, оборудованы базы для морского флота. По свидетельству Иосифа Флавия (Иудейская война, II, 16, 4) в 66 г. н. э. порядок на Понте Эвксинском поддерживали 3000 легионеров и 40 военных судов. После раздела провинции на Верхнюю и Нижнюю Мезию в последней дислоцировались I Италийский, V Македонский, XI Клавдиев легионы и ряд вспомогательных отрядов. Морская служба осуществлялась Мезийской эскадрой, базировавшейся в Новиодунуме. После прибытия в начале правления Траяна в город V Македонского легиона Новиодунум стал крупным военным центром. Отсюда подразделения флота и армии направлялись в различные места дунайского лимеса (19). Их пребывание на Левке зафиксировано находками клейм на черепице, геммами с легионными значками с изображением орлов, значительным количеством краснолаковой керамики. С конца I — начала II вв. н. э. резко увеличивается количество монет на острове (20). Левке стал служить одним из форпостов Римской империи на подступах к Северному Причерноморью. Он как бы замыкал линию нижнедунайского лимеса, служил удобной стоянкой

кораблей и являлся связующим звеном между такими крупными базами флота, как Новодунум и Херсонес.

И все же, несмотря на различные сложности исторического характера, военную дислокацию, существование святилища Ахилла на Левке продолжалось, о чем свидетельствует многочисленный археологический материал. Однако обращает на себя внимание резкое снижение количества (до 3%) общего числа монет Ольвии времени Антонинов (96—192 гг. н. э.) (21), тогда как число монет западнопонтийских городов в этот и последующие периоды неизменно велико (22). Из этого сопоставления само собой напрашивается вывод, который предложил еще М. И. Ростовцев, считавший, что в позднеэллинистическое и римское время остров Ахилла попадает под протекторат городов Западного Понта, скорее всего Томиса (23). Наши данные позволяют уточнить эти предположения и отнести начало установления власти греческих городов в римской провинции Нижняя Мезия над священным островом к рубежу I и II вв. н. э.

Этому событию способствовало несколько обстоятельств. Во II в. н. э. союз западнопонтийских городов — пента — или гексаполис окончательно оформил свою организацию, во главе которой стал самый крупный экономический центр этого времени — Томис. Именно здесь найдено наибольшее число надписей, относящихся к этому союзу, сам город становится его столицей — «метрополией Понта». Глава союза получил характерное наименование — «Понтарх» (24).

К сожалению, мы не знаем насколько укрепленности власти над святилищем помогло присутствие в этом регионе римских войск. Как известно, римляне практически не вмешивались во внутреннюю, а тем более религиозную жизнь греческих полисов. Но вероятно, усиление, с одной стороны, союза западнопонтийских городов и ослабление влияния в этих местах Ольвии, а с другой стороны, полный военный контроль, который осуществляли здесь римляне, были взаимосвязаны. Ольвия вынуждена была учредить новый центр поклонения Ахиллу. Такое место нашлось неподалеку — Борисфен (Березань), остров, имевший давнюю, еще с архаических времен, традицию поклонения богу — герою (25). Он приобретает здесь черты, присущие «Понтарху», т. е. повелителю моря, мореплавателей. Сделано это было, вероятнее всего, в противовес «Понтарху» западнопонтийскому, захватившему власть над столь престижным культовым центром.

Перенос святилища, а вернее утверждение нового, наря-

ду со старым, места поклонения герою подтверждается также и тем, что на Березани найдено наибольшее число надписей, где Ахилл упоминается как «Понтарх» или «Герой» (26). Последняя из этих находок, содержащая стихотворное посвящение Ахиллу на острове, датируется концом I — рубежом I—II вв. н. э. (26). Таким образом, сопоставляя данные различных источников: сообщения Диона Хрисостома (95 г. н. э.); известных исторических фактов, связанных с укреплением Рима на западном побережье Понта; археологического материала, происходящего с Левке (снижение числа ольвийских монет с началом правления Антонинов (96 г. н. э.) и наоборот, резкое увеличение общего числа нумизматических находок; эпиграфических документов, происходящих с Березани и также датирующихся рубежом I—II вв. н. э. — все это вместе связанное позволяет утверждать, что именно в это время Ольвия утратила контроль над Белым островом. С появлением второго культового центра, посвященного Ахиллу, начинаются и противоречия в письменных источниках, локализирующих священный остров. Писатели римского времени не всегда четко уясняют себе разницу между двумя островами, путают их координаты и т. д.

Но Левке продолжал оставаться важным религиозным и военно-стратегическим пунктом. Так, пребывание на нем гарнизона V Македонского легиона продлилось, вероятно, до 166 г. н. э., после которого легион покинул Нижнюю Мезию (27). Стоянка флота могла существовать и позднее, по крайней мере, до середины III в. до н. э., когда варвары предприняли мощный натиск не только на суше, но и на море. Особенно разрушительным был поход 267 г. н. э., во время которого местные племена, названные в источнике «скифами», прошли вдоль северо-западного побережья Понта, «вступили в Истр и произвели много бедствий на римской земле» (Зосим, I, 42). В 269 г. собралась новая коалиция. Зосим называет кроме «скифов» также «готов», «герулов», «псовков», двинувшихся от Тираса в составе 6 тысяч кораблей против городов Римской империи. Наверняка, такая армада не миновала и остров Ахилла. У нас нет прямых данных источников, что произошло с храмом бога-героя, но сопоставление этих сообщений с нумизматическим материалом весьма впечатляющее. После императора Галлиена (конец правления 268 г. н. э.) их количество явно уменьшается (28). И затем, несмотря на победы римлян, значение острова продолжает падать, а распространение новых религий уменьшает и

количество приношений в святилище языческого бога-героя. Монеты римских императоров IV—V вв. н. э. исчисляются единичными экземплярами на каждое правление. Последним из правителей Рима, чей чекан представлен на Левке, является Гонорий (395—423 гг. н. э.) (29).

После распада империи и окончательного утверждения христианства остров, вероятно, окончательно утрачивает свое сакральное значение. Правда, здесь появляются монеты Византии: Анастасия (491—518 гг.), Юстина I (518—527), Юстиниана I (527—565) (30), но они являются, очевидно, лишь отражением походов византийских кораблей. В это время территория нынешней Добруджи и собственно Нижнего Дуная являлась ареной столкновения между наступающими антами и империей. Этот участок лимеса, куда, не исключено, входил и остров Левке, как морской форпост, был хорошо укреплен. Здесь существовал ряд крепостей, однако, надо думать, влияние Византии распространялось лишь на близлежащие к ним территории. Константинополь держал под своим контролем и морские торговые пути, проходившие, как обычно, через остров. На это указывают как названные выше монеты VI в., так и еще одна находка — перечеканенный фоллис Ираклия (610—641 гг.) (31). Посещение Левке кораблями подтверждает и амфора V—VII вв., обнаруженная в его акватории.

После этого периода в истории острова наблюдается длительный hiatus, не отраженный ни в письменных, ни в археологических источниках. Это вероятно, связано со сложной этнической и политической обстановкой, сложившейся в Северо-Западном Причерноморье. Господство аваров, а затем хазар, продвижение сюда болгарских племен привели в конечном счете к сложению I Болгарского царства, поставившего эту территорию под свою зависимость. Распространение памятников балкано-дунайской культуры в Пруто-Днепровском междуречье указывает на сложный этнический состав местного населения в IX—XI вв. и свидетельствует о тесном взаимодействии славян и тюрко-болгар (32). Вероятнее всего, в X в. «Булгарская земля» начиналась за Дунаем, а остров, находящийся прямо перед его устьем, активно использовался как морской пункт, который лежал на пути торговых и военных кораблей, шедших с севера на юг — «из варяг в греки». Византийский император Константин Багрянородный (913—959 гг.) так описывал маршрут флотилии руссов: «Оттуда они уходят к реке Днестру и, благополучно достигнув

его, снова отдыхают... (затем они) приходят к Селине, так называемому рукаву реки Дуная (нынешнее Сулинокое гирло. — Авт.). Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут печенеги. И если море, что часто бывает, выбросит одиодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостоять печенегам. От Селины они уже никого не боятся и, вступив на Булгарскую землю, входят в устье Дуная» (Об управлении государством. Глава 9). Весь этот путь, как видим, представлял собой военно-оборонительную экспедицию. Русь была заинтересована в постоянной мирной торговле с Византией, которая, впрочем, не очень стремилась открывать свои границы и пускать чужеземных купцов на свои рынки. Однако все прпятствия, чинимые Византией, преодолевались Киевской Русью с помощью военной силы и закреплялись дипломатически. Таковы договоры 907, 911, 944 гг., заключенные после известных походов Олега и Игоря. Теми же причинами вызвана, вероятно, и военная экспедиция Святослава и война (совместно с болгарами) против Византии (967—971 гг.). Все эти действия происходили в непосредственной близости от острова, название которого в это время нам, к сожалению, неизвестно, но несомненно, что он активно использовался и одной и другой стороной. Здесь при раскопках обнаружено значительное количество керамики, покрытой волнистым прочерченным орнаментом, весьма характерной для посуды IX—XII вв. (33).

В степи в X — первой половине XI вв. господствовали печенеги, на которых была ориентирована «северная» политика Византии. После ухода Святослава из Болгарии византийцы сообщили печенегам о его продвижении, и он был убит у днепровских порогов. Болгария также не смогла удержать свою самостоятельность, и Добруджа была возвращена в состав империи, где в XI—XII вв. существовала особая феода Паристрион или Парадунавон. Византийские корабли вновь получают возможность подходить к острову — здесь обнаружены монеты императоров Константина X Дуки (1059—1067 гг.), Романа IV Диогена (1068—1071) и наконец, электорский аспр Мануила Комнина (1143—1180) (34).

Таким образом, несмотря на отсутствие прямых письменных источников, можно предполагать, что остров неподалеку от устья Дуная постоянно находился в зоне активных исторических событий и тесно был связан с политическими устремлениями в этом районе как кочевого и полукочевого населения степи, так и Византии, Болгарии и Руси.

Первое упоминание острова в средневековых письменных документах относится к середине XIII в. В итальянском портолане «Compasso de navigare», составленном в Пизе в 1250—1265 гг. и частично дополненном в 1296 г., он называется Filoxia «Филоксия» и помещен на расстоянии 30 миль от Сулинского гирла Дуная (35). Появление его в географических указателях связано, очевидно, с начавшимся в это же время проникновением на северные берега Черного моря генуэзских и венецианских купцов и основанием здесь колоний этих городов. С тех пор остров отмечается практически на всех картах и портоланах XIII—XVII вв., где он носит название Фидиниси, Фидонис, Фудонис или Фуднис (36). Древнейшая из них принадлежит П. Вескоте и датируется 1313 г., а остров нанесен под названием Фидоникси. Известны также три греческих портолана, причем один из них, изданный в 1573 г., переведен с итальянского оригинала середины XIV в. (37). В них остров именуется Фидониси — «Змеинный остров». Вероятно, это название послужило производным для всех других написаний и было заимствовано у греческого населения приморских городов еще в период существования Византийской империи. Но даже после падения Константинополя в 1453 г. и превращения Черного моря в «турецкое озеро» торговлей здесь занимались «во всяком случае не турки... Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах...» (38). Тем не менее, моряки Османской империи, несомненно, включали остров в маршруты своих передвижений по Черному морю (по-турецки «Кара-дениз») — на нем найдены монеты Турции, Крымского ханства (Гази — Гирей, 1588—1607 гг.). Восприняли турки у византийцев и название острова. Вот как его описывает знаменитый путешественник XVII в. Г. Л. де Боплан, хотя сам тут вряд ли бывавший: «За 2 лье от гирла Дуная находится низкий остров до 2 лье в окружности, где также есть пресная вода. Турки называют его Иланада, то есть остров змей» (39).

Предположительно к XVII—XVIII вв. относится и найденная на острове глазурованная керамика и несколько фрагментов кувшинов, характерных для Турции форм и орнамента. Имеются и еще некоторые археологические свидетельства о том, что Змеинный остров привлекал внимание купцов, военных многих стран средневековья. К сожалению, точная хронологическая привязка этих вещей затруднена. Так, здесь найдена неопределенная монета Польши. Известно, в част-

ности, что черноморская политика занимала в дипломатических планах Польши важное место, особенно во второй половине XV в., впрочем как и в более позднее время (40).

В акватории Змеинного обнаружен трехлапый железный якорь, т. н. галерного типа, имевшего хождение в XII—XVIII вв.

При раскопках в наземной части острова в прошлом веке исследован склеп, выложенный камнем. В склепе найден истлевший скелет в железной кольчуге, распавшейся от времени. Судя по инвентарю, захоронение совершено в средние века, однако более точную дату установить нельзя (41).

Наконец, еще одной важной страницей в истории Змеинного являются походы запорожских казаков по Черному морю против турок. Со второй половины XVI в. эти походы приобретают регулярный характер. Казаки постоянно атакуют и громят турецкие суда и крепости в низовьях Днестра и Дуная (42). После вхождения Украины в состав Московского государства эти походы еще более активизируются. Их возглавляют известные атаманы И. Сирко, С. Палий. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. запорожцы совершили ряд славных морских походов на Дунай (43). Вполне вероятно, что именно во время этих нападений казаки оставили на острове Змеинном две надписи. На одном камне, вероятно надгробии, помещено: «Григорий Попович Зияковский, Анурий Попович». На другом было вырезано: «Кто будет на сем месте, попомните бога за меня грешного» (Архив ОАМ НАН Украины. — Инв. № 59182).

В 1775 г. остров впервые попадает в поле зрения профессионалов-картографов России. Он упоминается в рукописном «Атласе Черного и Азовского морей» П. В. Пустошкина. Начинаются его географические и археологические обследования, которые к теме нашей статьи уже отношения не имеют (44).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Köehler H. K. E. Memoire sur les îles et les courses consacrées a Achille dans le Pont Euxin//Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg. — St. Petersburg. — 1826. — Т. X. — P. 531—819.

2. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеинном). — К., 1993.

3. RE, XIII, 2. — Sp. 1326—1328.

4. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Указ. соч. — С. 28—30. — Фото 7, 8.

5. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Якорная стоянка святилища Ахилла на острове Левке (Змеинном)//ЗОО. — К., 1955. — Т. III (36).

6. Русяева А. С. Арханчская архитектурная терракота из Ольвии// АДСП. — 1988. — С. 35—36. — Рис. 3; Пичкиян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. — М. — 1984. — С. 180. — Рис. 69.
7. Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. — К. — 1979. — С. 127—138.
8. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. — М. — 1983. — С. 97—98.
9. Карышковский П. О. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке//МАСП. — 1983. — С. 166.
10. Кубланов М. М. Легенды о ристалище Ахилла и Ольвийские агонистические праздники//Ежегодник Музея истории религии и атеизма. — 1957. — Т. 1. — С. 222—231.
11. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII—I вв. до н. э. М. — 1989. — С. 153—168.
12. Карышковский П. О. Указ. соч. — С. 166.
13. Виноградов Ю. Г. Указ. соч. — С. 246.
14. RE, XXI. — Sp. — 2020—2021.
15. Pippidi D. M., Berciu D. Geli si greci la Dunarea de Jos//Din istoria Dobrogei. — Bucuresti. — 1965. — P. 271—272; 278—281.
16. Карышковский П. О. Указ. соч. — С. 164; Булатович С. А. Монетные находки на острове Левке//МАСП. — 1971. — № 7. — С. 222.
17. Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье. Опыт источниковедческого анализа поэтического текста//Древнейшее государство на территории СССР. 1983. — М. — 1984. — С. 163—165.
18. Булатович С. А. Указ. соч. — С. 224; Булатович С. А. Находки римских республиканских монет в Северо-Западном Причерноморье//Новые археологические исследования на Одешине. — К. — 1984. — С. 124—126.
19. Бондарь Р. Д. Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса//ВДИ. — 1973. — № 3. — С. 154; Dogutiu-Boile E. Despre caramizele custamirila ale legiunelor V. Macedonica si XI Claudia la Dunarea de Jos si pe litoralul nordic al Marii Negre//SCIVA. — 1990. — № 3—4. — P. 251—271.
20. Булатович С. А. Монетные находки... — С. 224.
21. Карышковский П. О. Указ. соч. — С. 116.
22. Булатович С. А. Монетные находки... — С. 223.
23. Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике//ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С. 184—185.
24. Златковская Т. Д. Мезия в I и II веках нашей эры (к истории нижнего Дуная в римское время). — М. — 1951. — С. 113.
25. Русяева А. С. Земледельческие культы... — С. 137.
26. Шелов-Коведяев Ф. В. Березанский гимн острову и Ахиллу//ВДИ. — 1990. — № 3. — С. 49—62.
27. Vulpe R., Barnea I. Romanii la Dunarea de Jos//Din istoria Dobrogei. — Vol. II. — Bucuresti, 1968. — P. 155.
28. Булатович С. А. Монетные находки... — С. 225.
29. Там же.
30. Столярник Е. С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время (конец III — начало XIII в.). — К. — 1992. — С. 87—90.
31. Там же. — С. 92.
32. Козлов В. И. Население степного междуречья Дуная и Днестра

конца VIII — начала XI веков н. э. (балкано-дунайская культура). — Автореф. канд. дис. — Л. — 1991. — 29 с.

33. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла... — С. 122. — Фото 20, 1—3.
34. Столярник Е. С. Указ. соч. — С. 98—100.
35. Димитров Б. Българските пристанища в XIII—XIV вв. според два средновековни портолана//Археология. — 1979. — I. — С. 21; Todorova E. More about VICINA and the West Black Sea Coast//Etudes Balcaniques. — 1978. — № 2. — P. 124—128.
36. La Ronciere B., du Jordin M. M., unter Mitarbeit von Azard M. M., Raynaud-Nguen und Vannereu M. A. Portulane, Seekarten vom 13. bis zum 17. Jahrhundert. — München. — 1984. — Taf. 2, 9, 11, 12, 16, 21, 37 u. a.
37. Todorova E. Op. cit. — P. 138.
38. Энгельс Ф. Турецкий вопрос. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 9. — С. 25.
39. Боплан де Г. Л. Опис України. — К. — 1990. — С. 49.
40. Крот В. А. Черноморская проблема во внешней политике Польши (последняя четверть XV в.)//Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону. — 1986. — С. 91—109.
41. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла... — С. 122—124.
42. Мыцк Ю. А. Новые данные о черноморских походах запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства в конце XVI — первой половине XVII в. (на материалах архивохранилищ ПНР)//Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону. — 1986. — С. 126—137.
43. Бачинский А. Д., Добролюбовский А. О., Новицкий Е. Ю. Книга для чтения по истории Одешины. — Вып. I. С древнейших времен до начала XIX в. — Одесса. — 1992. — С. 48—51; 63—65.
44. Тункина И. В. К истории изучения острова Фидониси (Змеиный) в конце XVIII — середине XIX вв.//ПАВ. — 1992. — № 2. — С. 23—62.

Р. Д. БОНДАРЬ

ИЗ ИСТОРИИ ДУНАЙСКОГО ЛИМЕСА ВЕРХНЕЙ МЕЗИИ

Из всех дунайских провинций Римской империи Верхняя Мезия изучена наименее. До настоящего времени ждут своего выяснения многие коренные вопросы ее истории, административного устройства, экономики и культуры, дислокации войск и т. п.

Разделение провинции Мезия на две консульского ранга — Нижняя и Верхняя Мезия относят ко времени дакийских войн Домициана. На основании надписи в честь Л. Фунисулана Веттония, впервые упоминающей провинцию Верхняя Мезия, это событие датируют 86 г. н. э. (1). На западе она граничит с Далмацией и Паннонией, на юге — с Македонией. Границы проходят, в основном, по водоразделам, но точно знаем мы линию границы только на востоке по реке Цибра (Ciabrus) и на севере — по течению Дуная (2).

Наши сведения о системе оборонительных сооружений (лимеса) на дунайской границе Верхней Мезии в основном базируются на кратких упоминаниях античных авторов, на эпиграфических источниках. Археологические же раскопки в большинстве случаев затруднены тем, что подавляющее большинство пунктов застроено в позднейшие эпохи. Необычайно ценен в этом отношении труд Ф. Канитца (3), поскольку он представляет собой описание его наблюдений над топографией этих мест в середине XIX в., когда на поверхности еще отчетливо просматривались следы древних построек в местах незатронутых городским строительством. Он же впервые сделал попытку локализации древних крепостей, упоминаемых здесь итинерариями.

Важнейшие города Верхней Мезии на Дунае — Ратиария (современный Арчер в Болгарии), Виминаций (Костолак в Югославии), Маргум (Дубравик у впадения Моравы в Дунай) и Сингидун (Белград). Все эти города рано получают права муниципиев, а Ратиария — колонии, ее официальное

наименование — Colonia Ulpia Traiana Ratiaria. В III в. (вероятно в 239 г.) получает права колонии и Виминаций (4).

Столицей провинции был Виминаций. Здесь точно известны положение лагеря, сапатае. Размеры лагеря 442 x 385 м и он расположен в 2 км от Дуная на правом берегу Млавы. Особый интерес представляют раскопки сапатае. Улицы его ориентированы в соответствии с планировкой лагеря, замощены, имеют канализацию.

В Ратиарии находилась стоянка легиона XII Gemina и стоянка Флавиева Мезийского флота. В эпоху императоров династии Флавиев здесь вырастает в связи с этим значительное поселение, в чем убеждают нас эпиграфический материал и находки золотых и серебряных монет Веспасиана (5).

Пребывание кораблей флотилии зафиксировано также в Эгете и Маргум (6).

В Сингидуне изучение лагеря и прилегающего поселения невозможны, т. к. они перекрыты или уничтожены современным городом. Лишь в отдельных местах выявлены незначительные остатки древних улиц и домов (7).

Кроме городов древние итинерарии называют нам имена таких укреплений как Бонония (современный Видин), Эгета (Брза Паланка), Альмус (Лом), Понтес (Кладово) и целый ряд других. Наши сведения о них скудны. Можно лишь констатировать тот факт, что они представляли собой цепь больших и малых между ними лагерей, расположенных на берегу Дуная вдоль дороги, частично вырубленной в скалах. Участок дороги между крепостями Куппе и Трансдьерна был укреплен с особой тщательностью — между небольшими укреплениями, иногда представлявшими собой простые башни, расстояние всего 1—2 км (8).

Строительство дороги на этом участке лимеса было начато при императоре Тиберии и закончено Траяном, как об этом сообщает надпись, высеченная в скале, так называемая Tabula Traiana (9). Дорога проходила в 2—3 м над уровнем реки, в некоторых местах была укреплена стеной и бетонирована, опраждена деревянной балюстрадой.

В районе Железных ворот судоходство было невозможно из-за скалистого дна, быстрого течения и т. п. Римляне не могли ни проплыть здесь, ни построить мост. Попыткой улучшить условия судоходства явилась постройка канала, о котором сообщает обнаруженная здесь в 1969 г. надпись (10). Длина его — 3220 м, ширина — 57 м. Он был огражден дамбами (плотиной) высотой 14 м. Строили канал, как полагает

П. Петрович, воины VII Клавдиева легиона, расквартированные в соседних крепостях. Существует гипотеза о том, что проектировал канал знаменитый архитектор и инженер эпохи Аполлодор из Дамаска. Создание канала закончено в 101 г. Канал у Железных ворот служил навигации на Дунае до VI в. н. э. Его строительство имело помимо всего прочего и стратегическое значение, т. к. почти сразу после него в этом же районе начинается строительство знаменитого каменного моста через Дунай. На этот раз, вне всякого сомнения, строителем его был Аполлодор. Опоры моста начинались в местности Pontes (Кладово) на мезийском берегу, где для его охраны построили крепость, и уходил на дакийский берег к г. Дробета (современный Турду-Северин, Румыния). Мост сокращал путь римских войск к столице даков Сармизегету-се (11).

Участок дунайского лимеса, относящийся к Верхней Мезии, невелик по своим размерам. В своем историческом развитии он прошел 3 этапа.

На первом этапе, когда римляне лишь утверждали свою власть на берегах Дуная, он составлял единое целое со всей мезийской оборонительной системой, ибо входил в состав одной провинции — единой Мезии. По мнению Э. Свободы, уже при Августе на правом берегу Дуная к западу от Железных ворот возникает цепь малых укреплений и сторожевых башен (12). Строительство этих первых praesidia связывают с походами Лентула и Красса. Эти небольшие укрепления Э. Свобода сравнивает с теми, которые упоминаются у Прокопия (13) и создание которых приписывают Юстиниану. На этом историческом этапе главной задачей участка будущего верхнемезийского лимеса была защита от дакийской опасности.

С образованием в 86 г. провинции этот участок получает самостоятельное значение. Несмотря на сравнительно небольшие размеры провинции, здесь расквартированы в эпоху Траяна 2 легиона (ведь это база наступления на еще свободных даков!). Главные их стоянки — VII Claudio — Вимициаций, и IV Flavia Felix — Сингидун (14). Кроме того, А. Радноти фиксирует на основании эпиграфических находок (военные дипломы и клейма на черепицах) в разное время в Верхней Мезии следы пребывания 9 когорт и 2 ал.

После образования провинции Дакия большая часть Верхней Мезии не соприкасается уже на севере с враждебным варварским миром, но римские укрепления на Дунае по-

прежнему играют важную роль в защите границ Империи, т. к. участок Сингидун-Вимициаций постоянно подвергается нападением сармат из-за Дуная, особенно в зимнее время, когда они переходили реку по льду. Кроме того, в обязанности верхнемезийского войска входила защита волока (Treibdelweg) у Железных ворот и канала. Связь между укреплениями осуществлялась не только сухопутным путем, но и судами Флавиева Мезийского флота.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. CIL, III, 4013; Fluss, RE, t. XV ö1931), с. 2398, с. v. Moesia.
2. Ptolem. III, 8; 1; 9; 1; 10; A. Mócsy. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. — Budapest. — 1970. — S. 9.
3. F. Kanitz. Donaubulgarien und der Balkan, t. 1, 2-е Leipzig, 1882; F. Kanitz. Die römische Funde in Serbien. Wien. — 1861.
4. A. Mócsy. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest. — 1970. — S. 184.
5. A. V. Premerstein. Die Anfänge der Provinz Moesien, I, 1898. — S. 169. Велков В. Из истории Нижнедунайского лимеса в конце I в. н. э./ВДИ.— 1961, № 2. — С. 78—79. V. Velkov. Rattiria//Eirene. Praha. — 1966. — С. 155—171.
6. Not. Dign. XLI, 39.
7. W. Unverzagt. Neue Ausgrabungen in der Festung Belgrad//Praehistorische Zeitschrift, XXXVI. Berlin. — 1958. — S. 271—275.
8. E. Swoboda. Forschungen am obermoesischen Limes//Schriften der Balkankommission. — Antiquarische Abteilung, vol. X, Wien. — Leipzig, 1939.
9. CIL, III, 8263; E. Swoboda. Forschungen am obermoesischen Limes//Schriften der Balkankommission. — Antiquarische Abteilung, vol. X, Wien. — Leipzig, 1939. S. Y. Sasel. Limes u Jugoslavij I, 1961. Beograd. — S. 162.
10. П. Петрович. Нова Траянова табла у Bergany//Старинар. XXI. Белград. — 1970. — С. 31.
11. D. Tudor. Poclurile romane de la Dunarea de I Yos. Bucuresti, 1971. — P. 53—155.
12. E. Swoboda. Forschungen am obermoesischen Limes//Schriften der Balkankommission. — Antiquarische Abteilung, vol. X, Wien-Leipzig, 1939. — S. 113.
13. Procop. De aedif. IV. — S. 4.
14. A. Radnoti. Zur Dislokation der Auxiliatruppen in den Donauprovinzen//Limes-Studien Basel. — 1959. — S. 144; Рубцов С. М. Римская провинция Мезия (Верхняя и Нижняя) в I—III вв. к(военно-политический аспект)//Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1988. — 15 с.